

Научная статья

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

Северо-Восточный Кавказ в бакинское время (средний плейстоцен): палеографические обстановки и археологические индустрии

Антон Александрович Анойкин

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Аннотация

Бакинская стадия истории Каспия (0,8–0,4 млн л. н.) находится в рамках среднего плейстоцена. Этому времени на Северо-Восточном Кавказе соответствует тираспольский фаунистический комплекс, и начинается формирование комплекса пещерной фауны хищников (пещерный лев, пещерная гиена и др.). Происходит прогрессирующее изменение климата в сторону похолодания с исчезновением из состава фауны и флоры теплолюбивых видов. Археологические индустрии этого времени (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-4 и др.) демонстрируют изменение мелкоорудийной традиции и переориентацию производства на системное сколовое расщепление. Увеличивается разнообразие орудий, появляются бифасиальные изделия. Дагестанские материалы выглядят как локальный вариант финальных раннепалеолитических индустрий Кавказа, сближающий раннепалеолитическое мелкоорудийное производство с ашельскими комплексами западной части Евразии и сочетающий отдельные их элементы.

Ключевые слова

Дагестан, ранний плейстоцен, ранний палеолит, ашель, Каспийское море, бакинская стадия, трансгрессии, тираспольский фаунистический комплекс

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 21-18-00552 «Древнейшая история Каспийского региона: хронология и развитие археологических культур в условиях меняющейся природной среды» (анализ археологических материалов) и в рамках программы НИР № FWZG-2022-0008 «Центральная Азия в древности: археологические культуры каменного века в условиях меняющейся природной среды» (анализ изменений палеоклиматических обстановок)

Для цитирования

Анойкин А. А. Северо-Восточный Кавказ в бакинское время (средний плейстоцен): палеогеографические обстановки и археологические индустрии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7: Археология и этнография. С. 25–36. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

North-Eastern Caucasus in the Bakunian Stage (Middle Pleistocene): Paleogeographic Conditions and Archaeological Industries

Anton A. Anoikin

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
anui1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Abstract

Purpose. Complete review of current status of research in paleogeographic settings and evolution of the archaeological industries in the North-Eastern Caucasus during the Bakunian stage of the Caspian Sea Quaternary history.

Results. The Bakunian stage is recognized to be a part of the Middle Pleistocene in the Quaternary chronostratigraphy of the Caspian Sea region and dated 0.8–0.4 Ma. In the early stages of the Bakunian major transformation in the composition of landscapes and animal communities occurred, being associated with general cooling resulting an increase in natural land zoning. Further progressive climate change towards cooling led to the disappearance of a large number of thermophilic species from the fauna and flora. This time in the North-Eastern Caucasus corresponds to the Tiraspol faunistic complex, and in the later stages a complex of cave predator fauna (cave lion, cave hyena, etc.) emerges in the region. Archaeological industries of that time (Darvagchay-1, Darvagchay-Zaliv-4, etc.) demonstrates the eradication of the small-tool tradition and the reorientation of stone tool processing towards systemic knapping. More diverse usage of raw materials is identified in the archaeological record. In primary technology, these assemblages are characterized by parallel unifacial knapping and the presence of the few radial/discoid cores. Tool kits include bifaces and choppers, with predominance of single-edged side-scrapers on flakes and pebbles, and denticulate, notched and spike-like tools. There are practically no points. Through time a significant percentage of the small-tool component remains, but its contribution gradually decreases. These industries should be considered as a local type in the stone tool production evolution, which is in the general Caucasian trend of the spread of Early Paleolithic industries with bifaces.

Conclusion. The Early Paleolithic of Dagestan from the first half of the Middle Pleistocene is identified as a local variant of the final Early Paleolithic industries of the Caucasus, bringing together the Early Paleolithic small-tool industry with the Acheulian complexes of the western part of Eurasia and combining their individual elements.

Keywords

Dagestan, Early Pleistocene, Early Paleolithic, Acheulean, Caspian Sea, Bakunian stage, transgressions, Tiraspol faunal complex

Acknowledgements

This study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 21-18-00552 “The Earliest History of the Caspian Region: Chronology and Development of Archaeological Cultures in a Changing Natural Environment” (analysis of archaeological materials) and was carried out according to the research program research program no. FWZG-2022-0008 “Central Asia in Ancientry: Archaeological Cultures of the Stone Age in a Changing Natural Environment” (analysis of changes in paleoclimatic conditions)

For citation

Anoikin A. A. North-Eastern Caucasus in the Bakunian Stage (Middle Pleistocene): Paleogeographic Conditions and Archaeological Industries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 25–36. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-7-25-36

Введение

Изучение раннего палеолита на Кавказе ведет отсчет с 1934 г., когда С. Н. Замятниным были обнаружены первые ашельские памятники на черноморском побережье и в северной зоне Кавказа (Яштух, Фортепьянка и др.). В конце 40-х гг. XX в. были открыты два новых района локализации раннепалеолитических объектов: Армения и Южная Осетия (Сатанидар, Лаше-Балта и др.). В 1950–1980-е гг. исследуются многослойные пещерные стоянки (Кударо I и III, Цона, Азых, Треугольная и др.), а также большое количество открытых местонахождений, в основном с подъемными материалами, на Центральном и Западном Кавказе [Любин, 1989]. После открытия в Дманиси (Грузия) остатков гоминидов возрастом около 1,8 млн лет, залегающих вместе с каменными орудиями, территория Кавказа стала рассмат-

риваться как один из основных миграционных коридоров уже с первоначального заселения Евразии. При этом территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа, а единственной стратифицированной стоянкой раннего палеолита здесь долгое время оставалась пещера Азых. Ситуация в регионе изменилась в XXI в., когда за два последних десятилетия на Кавказе и в Предкавказье было открыто свыше десятка новых памятников, относящихся к раннему и среднему плейстоцену [Деревянко, 2015]. Результаты этих работ показали, что Кавказ в целом и его каспийское побережье в частности, активно осваивались человеком с самых ранних этапов плейстоцена. С учетом того, что на ранних этапах истории человек находился в прямой зависимости от условий природной среды, которая, по существу, и определяла направление и скорость миграций, интенсивность освоения новых территорий, плотность заселения, стратегии выживания и т. д., установление палеогеографического контекста начального освоения палеоколлективами территории Западного Прикаспия, является необходимым условием для понимания этого сложного, продолжительного и многофакторного процесса.

Целью данной работы является определение современного уровня знаний по этой проблематике применительно к территории Северо-Восточного Кавказа в течение бакинской стадии истории Каспийского палеобассейна, времени, когда на этой территории происходят принципиальные изменения в раннепалеолитических индустриях. Основными задачами исследования, таким образом, являются проведение комплексного анализа природных обстановок на рассматриваемой территории в среднем плейстоцене и анализ археологических индустрий бакинского времени, известных в береговой зоне Северо-Восточного Кавказа в этот период.

Палеогеографические обстановки в Западном Прикаспии в среднем плейстоцене

В течение всего плейстоцена одним из важнейших факторов, определяющих палеоэкологию региона, являлись колебания уровня Каспийского палеобассейна, влияющие не только на климат и ландшафты береговой зоны, но и на территории, находящиеся от него за сотни километров. При этом сама изменчивость наполнения ложа Каспийского моря определялась сочетанием большого количества климатических, геологических и иных факторов, являясь своеобразным суммарным индикатором текущих палеогеографических обстановок.

В бакинское время колебания уровня Каспийского моря имели меньшую амплитуду, чем в раннем плейстоцене, а также значительно меньшую продолжительность. Началу бакинской трансгрессии предшествовала мощная тюркьянская регрессия (по некоторым оценкам, до уровня –150 м), начавшаяся в конце апшеронского времени, которая рядом исследователей выделяется в отдельный этап истории развития Каспийского палеоморя. В настоящее время наиболее распространена следующая периодизация бакинского цикла [Федоров, 1978; Варушенко и др., 1987; Рычагов, 1997; Янина, 2012; Свиточ, 2014]:

- 800–450 тыс. л. н. – раннебакинская трансгрессивная стадия (в некоторых схемах содержащая заключительные стадии тюркьянской регрессии, начавшейся в финале апшеронского времени);
- 450–410 тыс. л. н. – регрессивный (веденский) этап (выделяется не всеми исследователями);
- 410–370 тыс. л. н. – позднебакинская трансгрессивная стадия;
- 370–300 тыс. л. н. – урунджикская регрессивная стадия (ряд исследователей относит ее к более позднему (хазарскому) циклу или выделяет в отдельный этап истории развития Каспийского палеоморя).

В периоды трансгрессий у Бакинского моря существовала периодическая связь с Чаудинским (Черноморским) палеоморем, что существенно ограничивало возможный уровень подъ-

ема воды. В период максимальных отметок уровня моря воды Каспия на западном побережье заливали Терско-Кумскую и Куринскую низменности, часть территории Апшеронского полуострова и значительную часть прибрежной полосы Кавказского побережья [Рычагов, 1997; Свиточ, 2014].

Согласно мнению большинства исследователей, в раннебакинскую стадию уровень моря был выше, чем у современного Каспия, и приближался к уровню Мирового океана. В период максимального подъема воды, обычно связываемого с поздней бакинской трансгрессией, ряд авторов оценивает уровень стояния вод в +30 м и выше [Свиточ, 2014]. Однако значительная часть исследователей более осторожна в оценках и указывает высоты до +10 м [Варушенко и др., 1987; Рычагов, 1997].

Характерными представителями раннебакинской малакофауны являются моллюски *Didacna parvula* – *Didacna catillus*; позднебакинской – *Didacna rudis* – *Didacna caditoides* – *Didacna eulachia* [Янина, 2005].

На ранних этапах бакинского цикла, соответствующих границе раннего и среднего плейстоцена (~ 0,8 млн л. н.), произошла крупная перестройка в составе растительных и животных сообществ, связанная с очередным похолоданием климата и, как следствие, усилением зональности [Зубаков, 1986].

Имеющиеся по разрезам западных районов Прикаспия палинологические данные обнаруживают в растительном покрове этого времени распространение травянистых сообществ типа южных сухих степей при существенной роли лесных формаций, которые представлены мелколиственными (береза, ольха) и широколиственными (дуб, вяз, клен, граб, каштан, липа и др.) видами, приуроченными, по-видимому, к речным долинам и низменным участкам [Филиппова, 1997].

Спектры отложений позднебакинского времени этой территории на общем фоне преобладания пыльцы травянистых ксерофитов, при некотором участии пыльцы широколиственных пород и вечнозеленых кустарников (иглица, падуб), показывают обилие пыльцы розоцветных. Возможно, последняя продуцировалась не только травянистыми представителями семейства, но также кустарниковыми и древесными формами (дикорастущие плодовые), произраставшими в подлеске и нижнем ярусе широколиственных лесов [Абрамова, 1974].

Изменения растительных сообществ сопровождалась и трансформацией фаунистических комплексов. В период, соответствующий началу бакинского цикла, на территории юга Восточной Европы сформировался тираспольский комплекс (стратотип расположен в районе г. Тирасполь, местонахождение Колкотова балка), который значительно отличался от хавровско-таманской фауны. Это первая фауна на территории Восточной Европы, состав которой позволяет делать выводы о похолодании, близком к эпохе максимального оледенения [Алексеева, 1977].

Одной из самых характерных форм тираспольского комплекса является *Archidiskodon wilsti* (слон Вюста). В состав млекопитающих входят: *Canis* sp. (волки), *Vulpes* sp. (лисица), *Ursus deningeri* (медведь Денингера), *Crocota* sp. (гиены), *Panthera spelaea* (пещерный лев). Лошади представлены тремя формами, в том числе *Equus sussenbornensis* (зюссенборнская лошадь) и *Equus mosbachensis* (мосбахская лошадь). Встречаются отдельные кости ослов. Есть два вида носорогов – *Dicerorhonus etruscus* (этрусский носорог) и *Dicerorhonus kirchbergensis (mercki)* (носорог Мерка). Парнокопытные животные весьма разнообразны: короткорогие зубры *Bison schoetensacki*, большерогие олени *Praemegaceros verlicornis*, группа благородных оленей – *Cervus elaphoides*, *Cervus acoronatus*, *Cervus elaphus*, винторогие антилопы *Pontoceros ambiguus*, широколобые лоси *Alces latifrons*, крупные верблюды *Paracamelus* sp. С этим фаунистическим комплексом связана широкая адаптивная радиация кабаллоидных лошадей, расселение родов *Alces* (лоси) и *Praeovibos* (древние овцебыки), а также тронгериевого слона *Archidiskodon trogontherii* [Завьялов и др., 2002].

Фауна мелких млекопитающих в общих чертах обнаруживает сходство с современной. Появляются роды *Dicrostonyx* (копытные лемминги) и *Arvicola* (водяные полевки). Многооб-

разны полевки родов *Pitymys* и *Microtus*, но всё ещё широко представлены корнезубые полевки рода *Mimomys*. Характерно повсеместное распространение лагурид (*Lagurus transiens*). Зарегистрированы первые находки леммингов рода *Lemmus* [Александрова, 1976].

По экологическому составу тираспольская фауна очень разнообразна. Наряду с лесостепными слонами-архидискодонтами (слон Вюста), этрусским носорогом, зубрами и др. в ее состав входят обитатели лесов (разнообразные олени, лоси, косули, носороги Мерка, медведи), а также обитатели относительно сухих полустепных стадий (антилопы, лошади, полuosлы, верблюды, а также эласмотерии). Обилие лосей и разнообразие оленей позволяет думать, что были развиты как участки болотистого и кустарникового леса, так и сухие лесостепные ландшафты [Алексеева, 1977].

Тираспольский фаунистический комплекс был первоначально выделен М. В. Павловой на основании изучения костных остатков животных из стратотипического разреза V колкотовской террасы Днестра в районе г. Тирасполя. В последующее время остатки животных этих же видов были зафиксированы в Приазовье в отложениях IV Рожковской и V Платовской террас, в том числе и совместно с раковинами бакинских моллюсков [Лебедева, 1965]. На Северном Кавказе единичные находки одной из самых характерных форм тираспольского комплекса – слона Вюста – были обнаружены в карьере Гирей (г. Крпоткин), а также у станицы Воздвиженской и хут. Дагужиева [Лебедева, 1963]. На западном побережье Каспийского моря такие же единичные находки остатков слона Вюста известны из бакинских отложений в окрестностях Дуздага и Боздага (Азербайджан). В Закавказье аналогами тираспольского комплекса являются фауны древних слоев пещер Цона (Грузия) и Кударо-1 (Южная Осетия) [Верещагин, 1959]. Таким образом, хотя в пределах Северо-Восточного Кавказа не известны массовые палеонтологические материалы бакинского времени, анализ синхронной палеофауны сопредельных территорий позволяет предполагать, что этот регион также заселялся животными видами, представляющими тираспольский фаунистический комплекс.

Анализ родового состава тираспольского комплекса позволяет специалистам считать его холодоустойчивым. В фауне этого времени присутствуют преимущественно те животные, прямые потомки которых довольно хорошо пережили последующие оледенения. Это быки, давшие начало *Bison priscus*; благородные и большерогие олени, лоси, лошади кабаллоидной группы, слоны Вюста (от которых, по мнению большинства палеонтологов, развивалась мамонтовая линия) [Верещагин, 1959; Алексеева, 1977].

В тираспольское время началось формирование так называемой пещерной фауны хищников (медведь Денингера, пещерный лев, пещерная гиена). В это же время появляются первые лесные лемминги. Таким образом, на протяжении раннего – среднего плейстоцена происходит постепенное, от комплекса к комплексу, исчезновение из состава фауны теплолюбивых элементов, что свидетельствует об общем прогрессирующем изменении климата в сторону похолодания [Там же]. При этом состав фауны млекопитающих рассматриваемой территории не позволяет однозначно решить вопрос, были это крупные периодические колебания климата или происходило более или менее ровное усиление похолодания. Никаких следов повторных миграций теплолюбивых элементов, согласно имеющимся данным, не обнаружено.

Археология Приморского Дагестана в бакинское время

Наиболее ранние археологические материалы бакинского времени на территории Северо-Восточного Кавказа происходят со стоянки Дарвагчай-1 в Приморском Дагестане. Памятник находится на северном берегу Геджухского водохранилища (нижнее течение р. Дарвагчай). Это зона перехода от предгорной (высота 120–270 м над ур. м.) к низменной (высота < 90 м над ур. м.) части Западного Прикаспия [Деревянко и др., 2012].

В сводном разрезе Дарвагчай-1 выделяются три пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза (снизу вверх) [Там же].

Пачка 1 (слой 1) генетически соответствует переходной зоне между шельфом и побережьем (средняя глубина вод 8–15 м). Предполагаемый возраст – ранний плейстоцен (поздний акчагыл).

Пачка 2 (слои 2–9) сформировалась в субаэральных и субаквальных условиях (глубина от 0 до 15 м) типичного морского побережья. Предполагаемый возраст – средний плейстоцен (бакинское время). В слоях 4–8 был зафиксирован археологический материал.

Пачка 3 (слои 10–13) образована преимущественно в субаэральных условиях. Предполагаемый возраст – поздний плейстоцен – голоцен.

Стационарными исследованиями на памятнике вскрыто ~ 140 кв. м и найдено в стратифицированном залегании около 9 000 отдельностей кремня, имеющих признаки антропогенного воздействия разной степени выраженности. Археологический материал на памятнике можно разделить на два комплекса, наиболее древний из которых связан со слоями 4–7. Видовой состав малакофауны в культуросодержащих слоях позволяет считать, что захоронение этих артефактов происходило в раннебакинскую трансгрессию Каспийского моря, и, соответственно, их возраст, учитывая хронологию подстилающего слоя 3, определяется диапазоном 600–450 тыс. л. н. [Деревянко и др., 2012].

Каменная индустрия слоев 4–7 Дарвагчая-1 (~ 5 000 экз.) характеризуется большим количеством мелких изделий (2–4 см), которые составляют ~ 80 % коллекции, и неустойчивостью типологических форм орудий при отсутствии какой бы то ни было стандартизации предметов. В первичном расщеплении широко применялось дробление с последующим отбором угловатых обломков кремня для вторичной обработки. Кроме того, как орудийные основы часто использовались колотые гальки и плитки. Отщепы (на них выполнено ~ 25 % орудий) производились с нуклеусов параллельного принципа скалывания, как правило, однофронтальных, в одно- и двуплощадочных вариантах. Ударные площадки подготавливались одним или несколькими сколами, иногда использовалась естественная поверхность. Есть свидетельства применения долечной техники (единичные долечные сколы). Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные (скребла, атипичные скребки), шиповидные и выемчатые. Крупные орудия (более 5 см) редки (~ 5 % от орудийного набора). Во вторичной отделке преобладает краевая грубая однорядная, часто зубчатая ретушь. Часто использовались оббивка и приемы получения клетонских анкошей. Доминирование мелкоорудийного компонента сохраняется во всех слоях. Также устойчиво-постоянными остаются принципы отбора заготовок, приемы их вторичного оформления и набор основных категорий орудий.

Данный комплекс относится к мелкоорудийным раннепалеолитическим индустриям, где для изготовления орудий массово использовались несколовые основы (обломки, плитки и т. д.), полученные, как правило, техникой дробления и имеющие небольшие размеры. Нуклеусное расщепление также присутствует, однако имеет подчиненное значение; ядрища оформлялись минимально, размерность сколов также, как правило, была небольшая.

Во втором, более позднем, археологическом комплексе Дарвагчая-1 (слой 8, ~ 4 000 экз.), вероятнее всего, относящемся к позднебакинскому времени, фиксируются существенные изменения в составе каменной индустрии. В нем на фоне стандартного по составу для индустрии памятника мелкоорудийного компонента увеличиваются доли системных нуклеусов (параллельного способа скалывания одно- и двуфронтальных), сколов и орудий на них (до 30 % от орудийных форм), а также артефактов размерностью > 5 см. Кроме того, появляются крупные галечные орудия (чопперы, орудие с носиком), изделия с бифасиальной обработкой (рубила) и тщательно ретушированные скребла на крупных сколах. Среди утилизированного сырья увеличивается процент некремневой составляющей (окремненные песчаники). По имеющимся естественнонаучным данным, отложения слоя 8 накапливались в позднебакинский трансгрессивно-регрессивный мини-цикл и имеют возраст ~ 400–300 тыс. лет.

Эти материалы демонстрируют значительные отличия от более древних комплексов памятника в первую очередь в технике первичного расщепления, где основной заготовкой ста-

новится скол, а нуклеусы, как правило, имеют выраженное предварительное оформление. Также на сколах выполнена основная доля орудий. Заготовки в целом крупнее, есть изделия значительных размеров (10–15 см). Более разнообразным и типологически устойчивым становится орудийный набор, появляются галечные орудия, включая бифасы.

В близком слою 8 хронологическом интервале находятся, возможно, несколько более поздние археологические местонахождения Дарвагчай-залив-4 (слои 3 и 5) и Дарвагчай-залив-1 (комплекс 3) [Деревянко и др., 2012]. Согласно определениям малакофауны из культуросодержащих слоев и серии ОСЛ-дат их возраст соответствует финальной фазе бакинского цикла – уруджикской регрессии [Деревянко и др., 2018; Курбанов и др., 2021].

Мелкоорудийный компонент в индустрии этих памятников также присутствует, однако играет подчиненную роль – процент небольших изделий (2–4 см) в коллекции существенно меньше, чем в комплексах Дарвагчай-1 (менее 30 %). В первичном расщеплении также продолжает использоваться техника дробления, но в целом уже прослеживается четкая направленность индустрии на получение и преимущественное использование сколовых основ. Усложняется первичное расщепление: помимо простейших вариантов однофронтальных одноплощадочных ядрищ с минимальной предварительной подготовкой и естественными ударными площадками в коллекции присутствуют нуклеусы параллельного способа скалывания с сопряженными фронтами, а также дисковидные. В орудийном наборе основными категориями являются выемчатые и шиповидные изделия с преобладанием мелких форм и скребла, часть которых оформлена многорядной ретушью. Большинство орудий изготовлено на отщепках. В составе индустрии появляются удлиненные остроконечники на сколах [Деревянко и др., 2012; 2018]. Наиболее яркой частью орудийного набора становятся крупные галечные орудия (чопперы) и бифасиально обработанные изделия, соответствующие рубилам и пикам из хронологически близких комплексов ашельского облика других регионов Старого Света [Гладилин, Ситливый, 1990; Любин, 1998; Деревянко, 2014; Goren-Inbar, Sharon, 2006].

Согласно имеющимся естественнонаучным данным, к финалу бакинского времени и, следовательно, к тому же культурно-хронологическому интервалу, что и рассмотренные выше комплексы, относится немногочисленный археологический материал из балки Шор-Доре в Аджинаурской впадине (пункты 1–6) [Анойкин, 2016]. Здесь, как и на памятниках этого времени в бассейне р. Дарвагчай, представлены единичные одноплощадочные нуклеусы параллельного способа скалывания в варианте с сопряженными фронтами, примерно равное количество угловатых обломков кремня и сколов разных размеров. Орудия оформлялись преимущественно на сколах, в том числе и пластинчатых, но также использовались и мелкие нескововые основы. В орудийном наборе преобладают атипичные скребки и выемчатые орудия, заметно присутствие шиповидных изделий. Скребла представлены простыми однолезвийными формами. Из галечных орудий зафиксированы только чопперы.

Единичные крупные бифасиально обработанные орудия, найденные вне четкого стратиграфического контекста (Дарвагчай-карьер, Чумус-Иниц, Дюбекчай), позволяют лишь предположительно, на основе сравнения с материалами стратифицированных объектов, отнести их к финалу бакинского времени и рассматривать как проявление широкого распространения и разнообразия двухсторонних орудий на территории Приморского Дагестана в этот период [Деревянко и др., 2012].

Результаты исследований и обсуждение

Наиболее яркой чертой комплексов финала раннего палеолита в Приморском Дагестане является присутствие крупных галечных и бифасиально обработанных орудий. Основу первичного расщепления составляют плоскостные ядрища, в основном параллельные и радиальные, как правило, однофронтальные. Техника дробления используется значительно реже, чем в более ранних индустриях. Средние размеры ядрищ и сколов заметно выше, чем в более

древних комплексах. Для вторичной обработки отбираются преимущественно сколы. В орудийных наборах преобладают однолезвийные скребла, орудия зубчато-выемчатой группы и шиповидные изделия. Крупные орудия на гальках представлены в основном чопперами и массивными скребловидными изделиями. Много атипичных скребков на несколовых основах, остроконечников практически нет. Мелкоорудийный компонент, в отличие от более ранних комплексов, не играет решающей роли в облике индустрий, и его доля резко снижается вверх по временной шкале. Сырьевая база становится более разнообразной, но кремь по-прежнему доминирует. В целом происходит постепенное изживание традиции производства мелких орудий на несколовых заготовках, переориентация каменного производства исключительно на системное сколовое расщепление, увеличение типологического разнообразия орудийного ряда при значительной стандартизации форм изделий и приемов вторичной отделки.

Несмотря на то что в интервале 0,8–0,3 млн л. н. мелкоорудийные комплексы получили широкое распространение по всей территории Евразии, материалы Дарвагчай-1 с доминированием мелкоорудийного компонента не имеют близких аналогов на Кавказе и остаются, наряду с раннеплейстоценовыми коллекциями слоя 5 Рубаса-1 и Нурнуса [Деревянко и др., 2012; Любин и др., 2010; Деревянко, 2015], немногочисленными свидетельствами развития этой индустриальной линии в регионе. Хотя мелкоорудийный компонент в той или иной степени присутствует в материалах ряда раннепалеолитических стоянок Кавказа, иногда составляя довольно значительный процент (Кударо-1, Треугольная) [Любин, Беляева, 2004; Дороничев и др., 2007], нигде, кроме памятников Западного Прикаспия, он не является основным элементом, определяющим облик археологических комплексов. В настоящее время все подобные мелкоорудийные индустрии локализованы за пределами Кавказского региона.

Стоит отметить, что все памятники с мелкоорудийными комплексами в этой части Кавказа находятся в пределах древних береговых линий Каспийского моря, и, возможно, этот тип индустрий связан с адаптацией древних обитателей этих территории к условиям приморской зоны. Показательно, что изменения в технокомплексах происходят на фоне общего похолодания климата в среднеплейстоценовое время. При этом появление в них такой специфической категории изделий, как крупные бифасы, приходится на поздние стадии бакинского времени, незадолго до общей перестройки палеоэкологической системы и смены палеофаунистических комплексов с тираспольского на сингильский. В то же время нельзя исключать, что появление данных типов изделий связано, в том числе, и с общей тенденцией распространения их в это время по территории Кавказа в результате культурообменных или миграционных процессов.

Основным отличием индустрий комплексов финала раннего палеолита Приморского Дагестана, относящихся к рубежу бакинского – хазарского времени (Дарвагчай-1 (слой 8), Дарвагчай-залив-4, Дарвагчай-залив-1 (комплекс 3), Шор-Доре и др.), от более ранних материалов является присутствие галечных и бифасиальных орудий. Материалы этих комплексов – с их преимущественным параллельным унифасиальным расщеплением и малой долей радиальных / дисковидных ядрищ; крайне незначительным присутствием бифасиальных форм и чопперов; преобладанием однолезвийных скребел, зубчато-выемчатых и шиповидных орудий и сохранением заметного процента мелких изделий – следует рассматривать как местный вариант развития каменного производства, находящийся в общекавказском тренде распространения раннепалеолитических индустрий с бифасами.

Заключение

Каменные индустрии Приморского Дагестана в течение среднего плейстоцена демонстрируют единый вектор развития, направленный на изживание традиции изготовления мелких орудий преимущественно на несколовых заготовках (обломки, плитки), и переориентацию каменного производства на системное сколовое расщепление. Эти изменения в техноком-

плексах происходят на фоне общего похолодания климата в среднелейстоценовое время. Наиболее сильная модернизация каменных индустрий фиксируется в позднебакинское время, на рубеже смены основных палеоэкологических обстановок, когда происходят заметные изменения как в орудийных наборах (появление бифасов, крупных галечных орудий, тщательно обработанных скребел и т. д.), так и в способах вторичной обработки (более интенсивное применение ретуши) и первичного расщепления (распространение специально подготовленных ядрищ нескольких типов, доминирование сколов, среди орудийных заготовок). Вместе с тем, наряду с природным фактором, эти изменения могли быть связаны с миграционными процессами или культурной диффузией.

В целом данные материалы выглядят как локальный вариант финальных раннепалеолитических индустрий Кавказа, сочетающий отдельные элементы раннепалеолитического мелкоорудийного производства и ряд черт, характерных для ашельских комплексов западной части Евразии.

Список литературы

- Абрамова Т. А.** Реконструкция палеогеографических условий эпох четвертичных трансгрессий и регрессий Каспийского моря: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: Изд-во МГУ, 1974. 24 с.
- Александрова Л. П.** Грызуны антропогена европейской части СССР // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1976. Вып. 291. 100 с.
- Алексеева Л. И.** Териофауна раннего антропогена Восточной Европы (крупные млекопитающие) // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1977. Вып. 300. 214 с.
- Анойкин А. А.** Археологические материалы комплекса местонахождений Шор-Доре-1–6 в контексте индустрий финала раннего палеолита Приморского Дагестана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 7. С. 49–59.
- Варушенко С. И., Варушенко А. Н., Клиге Р. К.** Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука, 1987. 239 с.
- Верещагин Н. К.** Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И.** Ашель Центральной Европы. Киев: Наук. дум., 1990. 268 с.
- Деревянко А. П.** Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 372 с.
- Деревянко А. П.** Три глобальные миграции человека в Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. 612 с.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.** Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Деревянко А. П., Рыбалко А. Г., Зенин В. Н., Янина Т. А.** Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-залив-4 в Дагестане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 3–15.
- Доронищев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф.** Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Завьялов Е. В., Шляхтин Г. В., Табачишин В. Г., Макаров В. З., Березуцкий М. А., Якушев Н. Н.** Генезис природных условий и основные направления современной динамики ареалов животных на севере Нижнего Поволжья. Сообщение III. Генезис фауны и флоры в четвертичное время. Плейстоцен // Поволжский экологический журнал. 2002. № 3. С. 217–235.

- Зубаков В. А.** Глобальные климатические события плейстоцена. Л.: Гидрометеиздат, 1986. 288 с.
- Курбанов Р. Н., Рыбалко А. Г., Янина Т. А.** Хронология и периодизация палеолитических комплексов Северо-Восточного Кавказа (по материалам стоянки Дарвагчай-залив-4) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 161–166.
- Лебедева Н. А.** Континентальные антропогенные отложения Азово-Кубанского прогиба и соотношение их с морскими толщами // Тр. ГИН АН СССР. М.: Наука, 1963. Вып. 84. 107 с.
- Лебедева Н. А.** Геологические условия местонахождения мелких млекопитающих в антропогенных отложениях Приазовья // Корреляция антропогенных отложений Северной Евразии. М.: Наука, 1965. С. 111–140.
- Любин В. П.** Палеолит Кавказа // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–142.
- Любин В. П.** Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 192 с.
- Любин В. П., Беляева Е. В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1, Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин В. П., Беляева Е. В., Саблин М. В.** Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеоозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Наука, 2010. С. 36–59.
- Рычагов Г. И.** Плейстоценовая история Каспийского моря. М.: Изд-во МГУ, 1997. 267 с.
- Свиточ А. А.** Большой Каспий: строение и история развития. М.: Изд-во МГУ, 2014. 272 с.
- Федоров П. В.** Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 166 с.
- Филиппова Н. Ю.** Палинология верхнего плиоцена – среднего плейстоцена юга Каспийской области. М.: ГЕОС, 1997. 164 с.
- Янина Т. А.** Дидакны Понто-Каспия. М.; Смоленск: Маджента, 2005. 300 с.
- Янина Т. А.** Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.: Изд-во МГУ, 2012. 264 с.
- Goren-Inbar N., Sharon G.** (eds.). Ache Age. Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. London, Equinox, 2006, 514 p.

References

- Abramova T. A.** Rekonstruktsiya paleogeograficheskikh uslovii epokh chetvertichnykh transgressii i regressii Kaspiiskogo morya [Reconstruction of the paleogeographic conditions of the epochs of the Quaternary transgressions and regressions of the Caspian Sea]. Thesis of PhD Diss. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1974, 24 p. (in Russ.)
- Alexandrova L. P.** Gryzuny antropogena evropeiskoi chasti SSSR. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1976, iss. 291, 100 p. (in Russ.)
- Alekseeva L. I.** Teriofauna rannego antropogena Vostochnoi Evropy (krupnye mlekopitaiuschie) [Early Anthropogen theriofauna from Eastern Europe (large mammals)]. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1977, iss. 300, 214 p. (in Russ.)
- Anoikin A. A.** Arkheologicheskie materyaly kompleksa mestonahozhdenii Shor-Dore-1–6 v kontekste industrii finala rannego paleolita Primorskogo Dagestana [Archaeological material of the complex of Shor-Dore sites 1–6 in the context of the Final Early Paleolithic industries of Sea-side Dagestan]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 7, pp. 49–59. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** Bifasyalnaya industriya v Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Azii [Bifacial industry in East and Southeast Asia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2014, 372 p. (in Russ.)

- Derevianko A. P.** Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii [Three global human migrations in Eurasia]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2015, vol. 1: The origin of humans and peopling of Southwestern, Southern, Eastern and Southeastern Asia and the Caucasus, 612 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoin A. A., Rybalko A. G.** Problemy paleolita Dagestana [Issues on Paleolithic of Dagestan]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Rybalko A. G., Zenin V. N., Yanina T. A.** Excavations at Darvagchay-Zaliv-4: An Early Paleolithic site in Dagestan. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2018, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)
- Doronichev V. B., Golovanova L. V., Baryshnikov G. F., Blekvell B. A. B., Garutt N. V., Levkovskaya G. M., Molodkov A. N., Nesmeyanov S. A., Pospelova G. A., Hoffeker D. F.** Treugolnaya peshchera. Rannii paleolit Kavkaza i Vostochnoi Evropy [Treugolnaya cave. Early Paleolithic of the Caucasus and Eastern Europe]. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2007, 270 p. (in Russ.)
- Fedorov P. V.** Pleistotsen Ponto-Kaspiya [Pleistocene of the Ponto-Caspian]. Moscow, Nauka, 1978, 166 p. (in Russ.)
- Filippova N. Yu.** Palinologiya verkhnego plitsena – srednego pleistotsena yuga Kaspiiskoi oblasti [Palynology of the Upper Pliocene – Middle Pleistocene of the South of the Caspian Region]. Moscow, GEOS Publ., 1997, 164 p. (in Russ.)
- Gladilin V. N., Sitlivyi V. I.** Ashel Centralnoi Evropy [Acheulean of Central Europe]. Kiev, Naukova dumka, 1990, 268 p. (in Russ.)
- Goren-Inbar N., Sharon G.** (eds.). Axe Age. Acheulian Tool-making from Quarry to Discard. London, Equinox, 2006, 514 p.
- Kurbanov R. N., Rybalko A. G., Yanina T. A.** Chronology and Periodization of Paleolithic Complexes of South-Eastern Dagestan (Based on the Evidence from the Darvagchai-Zaliv-4 Site). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2021, vol. 27, pp. 161–166. (in Russ.)
- Lebedeva N. A.** Kontinentalnye antropogenovye otlozheniia Azovo-Kubanskogo progiba i sootnoshenie ikh s morskimi tolshchami [Continental anthropogenic deposits of the Azov-Kuban depression and their relationship with the marine strata]. In: Trudy GIN AN SSSR [Works Geological Institute AS USSR]. Moscow, Nauka, 1963, iss. 84, 107 p. (in Russ.)
- Lebedeva N. A.** Geologicheskie usloviya mestonahozhdeniya melkikh mlekopitaiushchikh v antropogenovykh otlozheniyakh Priazov'ya [Geological conditions of the location of small mammals in the Anthropogenic deposits of the Pryazovia]. In: Korreliatsiya antropogenovykh otlozhenii Severnoi Evrazii [Correlation of Anthropogenic deposits of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka, 1965, pp. 111–140. (in Russ.)
- Lyubin V. P.** Paleolit Kavkaza [Paleolithic of Caucasus]. In: Paleolit mira. Paleolit Kavkaza i Severnoi Azii [Paleolithic of World. Paleolithic of Caucasus and Nord Asia]. Leningrad, Nauka, 1989, pp. 9–142. (in Russ.)
- Lyubin V. P.** Ashelskaya epokha na Kavkaze [Acheulean era in the Caucasus]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1998, 192 p. (in Russ.)
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V.** Stoyanka Homo erectus v peshchere Kudaro 1 (Centralnyi Kavkaz) [Homo erectus site in Kudaro 1 cave (Central Caucasus)]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004, 272 p. (in Russ.)
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Sablin M. V.** Otkrytie rannepaleoliticheskoi stoyanki v raione Nurnusskogo paleoozera (Centralnaya Armeniya) [Discovery of Early Paleolithic site in the area of the Nurnus paleolake (Central Armenia)] In: Issledovaniya pervobytnoi arkhologii Evrazii [Studies of the prehistoric archeology of Eurasia]. Mahachkala, Nauka, 2010, pp. 36–59. (in Russ.)
- Rychagov G. I.** Pleistotsenovaya istoriya Kaspiiskogo morya [Pleistocene history of the Caspian Sea]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 1997, 267 p. (in Russ.)

- Svitoch A. A.** Bolshoi Kaspii: stroenie i istoriya razvitiya [Great Caspian: structure and history of evolution]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2014, 272 p. (in Russ.)
- Varushenko S. I., Varushenko A. N., Clige R. K.** Izmenenie rezhima Kaspiiskogo morya i besstochnykh vodoemov v paleovremeni [Changes in the regime of the Caspian Sea and endorheic basins in Paleotime]. Moscow, Nauka, 1987, 239 p. (in Russ.)
- Vereshchagin N. K.** Mlekopitaiushchie Kavkaza. Istoriya formirovaniya fauny [Mammals of the Caucasus. The history of the formation of fauna]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 704 p. (in Russ.)
- Yanina T. A.** Didakny Ponto-Kaspiya [Didacnes of Ponto-Caspian]. Moscow, Smolensk, Madzhenta, 2005, 300 p. (in Russ.)
- Yanina T. A.** Neopleistotsen Ponto-Kaspiya: biostratigrafiya, paleogeografiya, korrelyatsiya [Neopleistocene of the Ponto-Caspian: biostratigraphy, paleogeography, correlation]. Moscow, Moscow State Uni. Press, 2012, 264 p. (in Russ.)
- Zavyalov E. V., Shlyakhtin G. V., Tabachishin V. G., Makarov V. Z., Berezutsky M. A., Yakushev N. N.** Genesis prirodnikh uslovii i osnovnye napravleniya sovremennoi dinamiki arealov zivotnykh na severe Nizhnego Povolzhya. Soobshchenie III. Genesis fauny i flory v chetvertichnoe vremya. Pleistocen [Genesis of natural conditions and the main directions of modern dynamics of animal ranges in the north of the Lower Volga region. Message III. Genesis of fauna and flora in the Quaternary. Pleistocene]. *Povolzhskii ekologicheskii zhurnal [Povolzhskiy J. of Ecology]*, 2002, no. 3, pp. 217–235. (in Russ.)
- Zubakov V. A.** Globalnye climaticheskie sobytiya pleistotsena [Pleistocene Global Climate Events]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1986, 288 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Антон Александрович Анойкин, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57193948842
WoS Researcher ID Q-2849-2016
RSCI Author ID 73176

Information about the Author

Anton A. Anoinin, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57193948842
WoS Researcher ID Q-2849-2016
RSCI Author ID 73176

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*